

Глава 4

Выслушав сдержанный и полный недомолвок рассказ Е Сяююаня, Цюй Дубянь почувствовал, как в груди закипает нешуточная ярость.

«Этот венценосный глупец совсем из ума выжил?!»

Лишь на основании туманных пророчеств Астрологического управления он бросил собственного сына, которого любимая женщина произвела на свет ценой своей жизни, в это забытое богами место. И за два года даже не удосужился узнать, жив ли ребенок.

Перерождение греховного плода, проклятие, погубившее мать... Чушь! И это требование три года не приближаться к отцу, чтобы душа покойной могла переродиться?

Неудивительно, что Сяююань никогда не заговаривал об этом сам. Навесить столько ярлыков и грехов на крохотного ребенка — будь на месте Дубяня обычный впечатлительный мальчик, он бы до конца своих дней изнывал от чувства вины.

Да и сейчас евнух говорил крайне туманно; будь Дубянь настоящим двухлетним ребенком, он бы ровным счетом ничего не понял. Однако за всеми этими роковыми предсказаниями он отчетливо почуял запах заговора.

Интуиция, которая в прошлой жизни не раз спасала его, вновь подала голос. Раньше это были «друзья», подсыпавшие отраву в медовую воду, чтобы погубить его голос, или скрытые камеры в ванной, или целая коалиция коллег, пытавшихся выставить его злодеем во время прямых эфиров...

Он принялся анализировать ситуацию.

Когда наложница Юнь только забеременела и Астрологическое управление предрекло ей смерть, император-самодур, скорее всего, не слишком в это поверил. Но загвоздка в том, что наложница действительно умерла.

Как только первое пророчество сбылось, астрологи принялись лепить из новорожденного принца исчадие ада. И нет ничего странного в том, что император, ослепленный горем и суеверием, сослал младенца во дворец Цзюйань.

Дубянь мысленно обратился к Симулятору:

«Слушай, ты, странная штукавина... Кроме тебя в этом мире есть хоть что-то сверхъестественное? Боги, духи или магия?»

[Нет.]

Дубянь приподнял бровь. Он всё еще изучал алгоритмы ответов Симулятора, но, кажется, в свободное время с этим парнем можно было вполне содержательно поболтать.

Раз никакой магии не существует, значит, Астрологическое управление — банда шарлатанов. А смерть наложницы Юнь при родах, скорее всего, не была несчастным случаем.

Кто же стоит за ширмой?

Фаворитка, обласканная императором и родившая принца, который мог бы укрепить её положение, — прямая угроза для любого, кто метит на престол. Насколько Дубянь знал, он был самым младшим ребенком своего «дешевого папаша», а над ним — шесть братьев и сестра.

«Круг подозреваемых неприлично широк».

Он снова вспомнил о лекарстве, присланном из Императорской медицинской академии, и пазл в его голове начал складываться.

Согласно пророчеству, к трем годам принца душа его матери должна была успешно переродиться, а значит, и срок его ссылки подходил к концу. Кого-то явно пугала мысль о том, что император может вспомнить о сыне. Видя, что за три года мальчик так и не испустил дух в этой глуши, враги решили ускорить процесс.

«Итак, тот, кто пытается меня устранить сейчас, скорее всего, и есть убийца наложницы Юнь... Ну, вероятность процентов семьдесят, не будем утверждать наверняка».

Он родился в пору весеннего цветения, и до трехлетия оставалось меньше полугода. За это время неведомый кукловод наверняка предпримет новые попытки. В этот раз ему удалось ускользнуть, но кто знает, что будет дальше?

Во всем дворце единственным человеком, способным стать его щитом, был император.

Е Сяюань и не подозревал, что его осторожный рассказ, который должен был остаться для принца лишь грустной сказкой, уже был разобран Дубянем на мельчайшие детали и проанализирован с ледяной ясностью. Мальчик уже осознал нависшую над ними угрозу и начал прикидывать пути спасения.

Однако в этом крохотном теле любое глубокое раздумье выглядело лишь забавной детской серьезностью.

Прокрутив в голове десяток планов, Дубянь с самым невинным видом вскинул голову:

— Спутник Е, кажется, я ничего не понял.

Сяююань с облегчением закрыл эту тему:

— Ничего страшного, Ваше высочество. Когда начнете учиться и узнаете грамоту, вы станете самым мудрым на свете.

— Спутник Е, я хочу знать больше о матушке. Как она выглядела? Какую одежду любила? Какие украшения носила? И как они ладили с отцом?..

Под градом детских вопросов Е Сяююань невольно погрузился в воспоминания.

— Ваша матушка очень отличалась от столичных благородных дам. Она была единственной дочерью Маркиза, Держащего Меч, и знала государя с самых юных лет. Они вместе выросли.

Маркиз Сюй Цзинь еще при прежнем императоре снискал славу великими подвигами, более тридцати лет охраняя северные рубежи. Он был предан единственной жене, и их дочь, Сюй Юэцин, была для него дороже всех сокровищ мира.

У маркиза не было сыновей, а значит, его титул должен был угаснуть вместе с ним. Несмотря на военную власть в его руках, он не представлял угрозы для трона, и прежний император благоволил его дочери, часто приглашая её во дворец в знак милости.

Сюй Юэцин росла в столице до семи лет, и уже тогда между ней и нынешним государем, бывшим тогда лишь третьим принцем, завязалась крепкая детская дружба.

Позже, когда на севере стало беспокойно, маркиз, вопреки своей безграничной любви к дочери, настоял на том, чтобы забрать её с собой. Она покинула столицу на десять лет.

И вернулась лишь в семнадцать.

Она была ослепительно красива, стройна, и в ней чувствовалась та особая стать и отвага, которой не было в изнеженных столичных девах. После первого же турнира по конному поло взгляды всех завидных женихов города были прикованы к ней, а приглашения на пиры посыпались в поместье маркиза снежным комом.

Но вскоре Сюй Юэцин случайно встретила с императором Чунчжао, который тайно покинул дворец в гражданском платье. Старая дружба мгновенно переросла в страсть. А затем — императорский указ, и Сюй Юэцин стала наложницей Юнь.

Три года она не знала отказа ни в чем, пока не забеременела и не умерла в муках, произведя на свет сына.

Е Сяююань закончил рассказ со вздохом:

— В те времена не было в столице мужчины, чье сердце не было бы разбито, и не было женщины, которая не завидовала бы милости государя к ней...

Дубянь слушал молча, но в его голове возник один-единственный вопрос.

«А любила ли наложница Юнь императора?»

Может ли человек, познавший вкус истинной свободы в бескрайних северных степях, добровольно запереть себя в золотой клетке и делить мужа с десятком других женщин?

Впрочем, ответа на этот вопрос уже не существовало.

Пока господин и слуга предавались воспоминаниям, дверь приоткрылась, и в комнату вошел Вэнь Сяочунь.

— Ваше высочество, Евнух Е, там пришел человек из Управления по делам топлива. Говорит, принес уголь.

— Уголь?

Дубянь и Сяююань переглянулись в полном недоумении.

Неужели в этом дворце кто-то внезапно вспомнил об их существовании?

— Пойдем посмотрим, — Дубянь ухватился за рукав Сяююаня и, забавно переставляя короткие ножки, перешагнул через высокий порог.

Во дворе стояли двое чернорабочих евнухов — старик и юноша. У каждого на коромысле висело по два ведерка с углем.

В их подношении нашлось ведро угля «Серебряный иней», ведро «Красного шелка» и два ведра обычного черного угля. Этого было немного, но Е Сяююань был вне себя от радости: лучшие сорта почти не давали дыма, а значит, их можно было жечь прямо в комнате.

— Приветствуем маленькое высочество. Императрица проявила милосердие: зима выдалась лютой, и она велела выдать дополнительные пайки всем дворцам, — старик расплылся в подобострастной улыбке. — Чем ближе праздник Чуньцзе, тем крепче морозы. Пусть этот уголь принесет в ваш дом радость.

Цюй Дубянь, который был едва выше ведра, подошел ближе и по очереди коснулся каждого сорта. Симулятор молчал.

«В этом угле есть какие-то яды?» — мысленно уточнил он.

[Доступно для записи заболевание: отравление окисью углерода.]

«А, ну это понятно».

Если жечь уголь в непроветриваемом помещении, угарный газ никого не пощадит. Обычное дело. Теперь Симулятор служил ему еще и отличным детектором токсинов.

— Благодарю матушку-императрицу за доброту, — торжественно произнес Дубянь, велел Сяююаню принять дары.

— Ваше высочество слишком добры, — старик подхватил коромысло и поманил своего помощника, собираясь уходить.

— Пойдите, — окликнул его Дубянь. Его детский голосок звучал тонко, но слова он выговаривал четко. — Не могли бы вы помочь? Когда в следующий раз пойдете к нам, принесите, пожалуйста, бумагу, кисти и тушь. Я хочу учиться грамоте.

Старый евнух невольно обернулся, удивленный такой просьбой, но его молодой напарник лишь недовольно буркнул:

— Откуда у нас бумага? Нас управляющий ждет в ведомстве, дел невпроворот, пора идти.

— Ваше высочество еще дитя, будьте вежливее, — Вэнь Сяочунь шагнул вперед, заслоня собой принца. Его темные глаза тяжело устались на молодого грубияна.

Тот внезапно вздрогнул и, поджав губы, отвел взгляд.

Е Сяююань, не переставая улыбаться, мягко сжал руку Дубяня и сам проводил неожиданных гостей к воротам. Остановившись на пороге, он понизил голос:

— Спасибо вам за труды, господа. Ступайте с миром. Но Ваше высочество и впрямь скоро достигнет возраста, когда пора начинать учение. Если вдруг найдется лишний лист бумаги или старая кисть — дайте знать, я сам приду и заберу.

Он взял руку старшего евнуха и незаметно вложил в ладонь несколько медных монет — почти всё, что у него было.

Старик, не меняясь в лице, ловко вернул монеты обратно и усмехнулся:

— Не стоит, это не по нашей части. Я передам ваши слова нужным людям, мне это не в тягость.

«Передать-то передаст, но будет ли толк — неведомо», — Сяюань прекрасно понял подтекст, но, будучи мастером придворного этикета, рассыпался в благодарностях, пока не закрыл за ними дверь.

Отойдя на приличное расстояние от дворца Цзюйань, молодой евнух всё ещё продолжал ворчать:

— Зачем вы с ними так вежливы были?

— Я благополучно прожил в этих стенах десятки лет только потому, что уяснил одну простую истину.

— Какую же?

— Никогда не задирай нос, когда служишь во дворце. Судьба капризна: тот, кого ты унижаешь сегодня, завтра может взлететь к небесам, — спокойно ответил старик. — Я видел глаза этого маленького принца. Он хоть и дитя, но взгляд у него ясный и острый. Такой человек не останется в Цзюйане навечно.

— А как же бумага и кисти?..

— Я просто закину словечко, ради доброй памяти. А что будет дальше — уже не наше дело.

Когда они вернулись в Управление по делам топлива, там всё ещё находился главный евнух Юй. Проходя мимо них, он как бы невзначай спросил:

— Ну что, во все ли дворцы доставили уголь?

Те в унисон закивали. Юй удовлетворенно прищурился.

— Это воля не только императрицы, но и самого государя. Обычно я закрываю глаза на ваши мелкие кражи, но если кто-то посмеет присвоить уголь, предназначенный для подношения радости... Не вините меня потом, я предупредил. Берегите шкуру.

— Слушаемся, господин! Спасибо за наставление!

Юй, убедившись, что дело сделано, поспешил обратно во дворец Цзычэнь. Будучи главным евнухом, он прекрасно знал все хитрости подчиненных. Он специально дождался здесь и отправил в Цзюйань самого честного из стариков, чтобы быть уверенным: уголь попадет в руки маленького принца, исполнив мимолетное желание императора.

***

Дворец Цзюйань

Как только носильщики ушли, Дубянь вернулся в дом. На улице было слишком зябко, чтобы задерживаться.

Просьба о бумаге была лишь пробой почвы; он и не надеялся, что её исполнят. Но поддерживать жизнь одними тренировками Тайцзи было слишком рискованно. Ему позарез нужны были письменные принадлежности: только изучив местную грамоту, он сможет писать очерки о болезнях и получать настоящие бонусы к долголетию.

Он забрался под одеяло.

«Использовать [Создание озорных снов]. Цель — император Чунчжао».

[Цель захвачена.]

В сознании возникло чистое поле Симулятора:

[Пожалуйста, сформируйте содержание сна.]

Создавать сны оказалось просто: нужно было лишь вообразить нужные картины.

Узнав от Сяюаня причину своей ссылки, Дубянь понял, что этот «розыгрыш» может стать его главным козырем. Раз Астрологическое управление использовало мистику, чтобы повесить на него ярлык проклятого, он ответит им тем же и немного «подправит» реальность в голове своего папаша.

Поверит тот или нет — неважно. Главное — посеять зерно сомнения.

А уж что касается матушки... Мальчик, свернувшийся калачиком под одеялом, коварно улыбнулся.

В его голове всплыли сотни сюжетов из сентиментальных романов XXI века. Вдохновение хлынуло неиссякаемым потоком.

Дубянь уже забыл о пренебрежительном отказе молодого носильщика, увлеченно работая над сценарием сна, но кое-кто воспринял эту нужду принца близко к сердцу.

В боковом павильоне Е Сяюань и Вэнь Сяочунь раскладывали уголь. Атмосфера была тяжелой.

— Ваше высочество хочет учиться, — тихо произнес Сяюань. — Он впервые попросил о бумаге и кистях, но уверен — он думал об этом долго.

— Я знаю место, где этого добра навалом, — Вэнь Сяочунь обладал тонкими, почти женственными чертами лица, которые в молчании казались холодными и резкими. Небольшой шрам у глаза лишь добавлял его облику суровости. — Я могу проскользнуть туда незамеченным и принести всё, что нужно.

Сяюань нахмурился:

— Это слишком опасно.

— Принцу это нужно.

Сяюань невесело усмехнулся и бросил вскользь:

— А если он захочет императорскую печать или военные жетоны — их ты тоже украдешь?

Сяочунь не ответил прямо. Он лишь спокойно обронил:

— Моя жизнь принадлежит Вашему высочеству.

Сяюань замолчал, пораженный такой преданностью. Чем больше верных людей будет вокруг мальчика, тем лучше, и не стоило рисковать жизнью этого парня из-за пустяка. Поразмыслив, он достал последние медные монеты и протянул их Сяочуню.

— У императора не так много наложниц. Дворец Цзинхэ несколько лет назад превратили в хранилище книг, там наверняка есть бумага. Евнух, сторожащий ворота, — мой старый знакомый. Завтра возьми деньги и попробуй купить у него что-нибудь.

Пары монет явно не хватило бы, но во дворец старые связи порой стоили дороже золота.

Сяюань мог бы пойти сам, но это было первое испытание для Сяочуня. Если тот сбежит — они потеряют лишь гроши. Если вернется — его можно будет считать своим до конца.

— Будьте покойны, Е-гунгун. Всё исполню, — серьезно ответил Вэнь Сяочунь.

Вскоре пришло время сна.

Залы дворца были огромными, топить их углем было неблагодарным делом, поэтому Сяюань приготовил переносную грелку. Он положил внутрь кусок угля «Серебряный иней», обернул конструкцию плотной тканью и положил в постель Дубяня.

Такая грелка была удобной и безопасной: как её ни крути, уголь не выпадет наружу, а тепла она давала куда больше, чем обычная грелка с водой. Если экономить, этого угля хватит принцу, чтобы пережить самые лютые холода.

Цюй Дубянь обнял теплую грелку и еще раз внимательно проверил смоделированный сон. Убедившись, что всё идеально, он нажал «Завершить» и с предвкушением закрыл глаза.

«Ну, дорогой папаша... Приготовься к сокрушительному удару мелодрамы из будущего!»

***

Тем временем во дворце Цзычэнь евнух Юй ждал, что император спросит про уголь, но тот, казалось, совершенно забыл о своем поручении, подписывая один свиток за другим.

Когда совсем стемнело, Юй вошел, чтобы сменить свечи.

— Исполнено? — внезапно спросил император Чунчжао, не отрывая взгляда от бумаг.

Юй мгновенно среагировал:

— Будьте покойны, Ваше Величество. Уголь доставлен во все покои.

— Хорошо. Свободен, — тон государя был ровным, не выдающим ни тени чувств.

— Ваше Величество, пора ко сну. Завтра утренний прием у двора.

— Дочитаю это — и лягу.

Лишь закончив с последним донесением, император отправился в опочивальню.

В воздухе плыл успоивающий аромат благовоний, слуги бесшумно вынесли чаши для умывания.

Император Чунчжао медленно погрузился в сон.

<http://bllate.org/book/16117/1581067>